

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.13>

Бутаева Мадина Батрадзовна

О ВЕРБАЛЬНОМ ТАБУИРОВАНИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНОГО МИРА)

Настоящее исследование посвящено явлению вербального табуирования в осетинском языке, которое оставило яркий след в названиях представителей животного мира. В работе преследовалась цель показать, что развитый в прошлом культ животных во всех его проявлениях в быту и хозяйственной жизни осетин нашёл отражение в их верованиях и традициях и способствовал возникновению множества языковых табу. Значимость выбранной темы обосновывается тем, что в осетинском языке до сих пор полно не выявлены ситуации, которые формируют тип эвфемистического выражения в соответствии с его нормами. В статье приводятся сведения из разных источников, подтверждающие специфичность восприятия мира осетинами, а также выражения, имеющие эвфемистический характер, обосновываются условия их употребления. Особое внимание уделяется примерам из специального секретного языка осетинских охотников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 60-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. Мальсагов Д. Д. Избранное / сост. А. Мальсагов. Нальчик: Эль-Фа, 1998. 501 с.
14. Марков В. М. Явления нулевой суффиксации в русском языке // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: тезисы докладов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 16-17.
15. Мельчук И. А. Конверсия как морфологическое средство // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 15-28.
16. Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь. М.: Русский язык, 1980. 832 с.
17. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд-е 7-е. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
18. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.
19. Тариева Л. У. Этнолингвистические аспекты изучения структуры отраслевого словаря (на материале лексики швейного дела в ингушском языке): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1995. 23 с.
20. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
21. Чахкиев С. Бертий бийсац. Грозный: Нохчий-Г1алг1ай кн. изд-во, 1973. 7 с.

SUBSTANTIVIZATION OF PARTICIPLES IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor

Kostoeva Fatima Mukharbekovna, Ph. D. in Philology

Ingush Scientific Research Institute of the Humanities named after Chakh Ahriev, Magas

blarahoi@rambler.ru; kostoeva1969@mail.ru

The article analyzes the process of substantivization in the Ingush language as one of the means to form nouns. Actually, there is no systemic description of this linguistic phenomenon in the analyzed language. The paper differentiates permanent and nonpermanent substantivates, examines lexico-semantic groups of substantivized participles. Semantic groups of substantivized Ingush participles are identified depending on semantic motivation. Applying to phraseology the authors discover a great number of substantivized participles in proverbs and sayings where they have the meanings of both objectification and procedurality.

Key words and phrases: substantivization; substantivate; conversional formation; Ingush language; participle; autonomous forms.

УДК 811.221.18

Дата поступления рукописи: 23.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.13>

Настоящее исследование посвящено явлению вербального табуирования в осетинском языке, которое оставило яркий след в названиях представителей животного мира. В работе преследовалась цель показать, что развитый в прошлом культ животных во всех его проявлениях в быту и хозяйственной жизни осетин нашёл отражение в их верованиях и традициях и способствовал возникновению множества языковых табу. Значимость выбранной темы обосновывается тем, что в осетинском языке до сих пор полно не выявлены ситуации, которые формируют тип эвфемистического выражения в соответствии с его нормами. В статье приводятся сведения из разных источников, подтверждающие специфичность восприятия мира осетинами, а также выражения, имеющие эвфемистический характер, обосновываются условия их употребления. Особое внимание уделяется примерам из специального секретного языка осетинских охотников.

Ключевые слова и фразы: осетинский язык; языковое табу; эвфемизм; обычай; животный мир; духовная культура.

Бутаева Мадина Батрадовна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева –

филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук

takku08@mail.ru

О ВЕРБАЛЬНОМ ТАБУИРОВАНИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНОГО МИРА)

Данная статья является частью исследования, посвященного анализу табуированных слов в осетинском языке. Цель статьи – продемонстрировать явление вербального табуирования в осетинском языке на примере названий животного мира. Для достижения поставленной цели был привлечен богатый языковой материал, помогающий сделать правильные выводы по анализируемой проблеме.

Актуальность исследования обусловлена раскрытием природы вербального табуирования и некоторых значимых моментов в истории осетинского языка. Новизна исследования состоит в попытке раскрытия темы, которая до этого момента практически не затрагивалась в осетинском языкознании.

Исследование речевых запретов ведется не один десяток лет, но, к сожалению, проблема еще далека от окончательного решения: время от времени выдвигались такие теории, которые не только не дополняли друг друга, но порою были и взаимоисключающими, причём и в основополагающих работах по этой теме много неясного, спорного, противоречивого.

Рассматривая вопрос о воздействии различного рода «верований» на языковое поле, необходимо изучить, прежде всего, «специфические запреты» – табу.

Упомянутый почти в любом лингвистическом словаре полинезийский термин «*табу*» определяется как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен» [16, с. 501].

В древности табу налагалось на всё, что представлялось первобытному человеку заряженным особой таинственной силой, опасной и для носителей этой силы, и для всех окружающих. Запреты же как бы мешают этой таинственной силе поразить всех сталкивающихся с ней.

Слова и сочетания слов, которые заменили табуированные наименования, получили название *эвфемизмов*; именуют они «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Там же, с. 590].

Важность проблемы табуирования была раскрыта в трудах А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» [17], Д. К. Зеленина «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 1. Запреты на охоте и иных промыслах» [12], Б. А. Ларина «Об эвфемизмах» (1961), А. М. Кацева «Языковое табу и эвфемия» (1988), А. А. Реформатского «Введение в языковедение» (1999), М. М. Маковского «Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев» (2006), З. Фрейда «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1913), Э. Бенвениста «Общая лингвистика» (1974), Дж. Эйто «Эвфемизмы» (1994) и др.

В осетинском языкознании на сегодняшний день отсутствуют изыскания по данной проблеме, хотя имеются попытки исследовать некоторые её аспекты. Общие сведения о табу и эвфемизмах даются в вузовских учебниках осетинского языка, этой теме посвятили научные статьи В. М. Гусалов [9], З. Б. Дзодзикова [11].

Известно, что табу и эвфемизмы являются ценным источником изучения традиционных верований народа посредством языкового материала, что различны также причины и условия их возникновения и что в табу и эвфемизмах конкретного народа содержится информация о его взглядах на различные объекты табуирования. К примеру, Д. К. Зеленин так толкует данное положение: «Мы встречаем известную идею о том, что имя служит средством для передачи дурных воздействий – путем “злого глаза” или заочно. Эта идея очень широко распространена и объясняет большой ряд словесных запретов. Столь же широко распространена другая идея: произнесение запретного слова как бы зовет, кличет, “накликает” названное запретным словом опасное существо, вызывает его появление. Но и эти обе идеи есть основания считать сравнительно поздними. Древнейший слой запретных слов проявляет совсем иное воздействие: он пугает, отпугивает названное существо, иногда – его оскорбляет и сердит. Эта идея очень широко распространена у охотников-промышленников. Появление этой идеи мы склонны относить к древнейшей, до-анимистической эпохе» [12, с. 89].

Табуирование языковых фактов находит в осетинском языке широкое применение. Наиболее ярко прослеживается данное явление на примере *эвфемизации* представителей животного мира, обусловленной мировоззрением древнего человека.

Верования *тотемистического* характера лежат в основе веры осетин в кровную близость человека и животных, в их взаимную магическую связь. Эта вера нашла отражение не только в условиях хозяйственной жизни далеких предков, но и особенностях общественной организации. В позднем тотемизме, кроме веры в существование общности между коллективом людей и теми или иными животными, сформировалось еще и представление о тотемическом предке.

Табу (запрет на название тотема) с древних времён – спутница тотема, хотя зоофорные имена не обязательно связаны с тотемизмом. По В. И. Абаеву, они часто даются по традиции или по мотивам, не имеющим прямого отношения к тотемизму. Но древнейший слой этих имен, без сомнения, коренится в тотемических представлениях. В этом смысле зоофорные имена являются прямыми предшественниками теофорных. Между ними существует преемственная связь [4, с. 95].

Процесс этот длился долго: «Вначале человек не отличает себя от животных, которых он видит вокруг себя и с которыми ему приходится иметь дело. Это вытекает, во-первых, из того, что он вообще не выделяет себя из природы. С другой стороны, нельзя не признать, что у него были и реальные основания к тому, чтобы ставить себя на одну доску с животными: он действительно мало чем отличался от них» [14, с. 23].

Обычай говорить иносказательно о животных, являющихся объектами охоты, наиболее древний; наблюдался он среди всех охотничьих племен. Следует отметить, что издавна в Осетии охота была средством выживания и пропитания, причём и возможности для охоты были отличные. О значимости охоты в жизни осетин свидетельствует и нартовский эпос.

У охотников-осетин имелись свои обычаи и законы, и их исполнение было обязательным: они, согласно народным предрассудкам, способствовали успешному ведению охоты. Одним из этих обязательных атрибутов был охотничий язык (*цуанонты æвзаг*) – иносказательный язык, на котором говорили, когда собирались на охоту, во время охоты или если речь шла о животных.

Охотничий язык осетин богат иносказательными словами-эвфемизмами. Знатоки считали, что осетинскую охоту нельзя назвать промыслом: это, «скорее и ранее всего, какое-то священнодействие» [27, с. 284]. Эвфемизмы, обычно употребляющиеся вместо слов, подвергшихся табу под влиянием различных религиозных предрассудков и обычаев, указывают на вторичные наименования перечисленных животных, на их внешние признаки или характерные особенности.

Тотемизм часто указывает на родственную связь народа с одним животным-предком. Почитание осетинами волка (*бирæгъ*) находит объяснение в древнейших пластах истории. Волк – общий тотемный предок алан-осетин, о чем ярко свидетельствует нартовский эпос. Имя родоначальника нартов – *Уæрхæг* – восходит к тотемическому мифу и означает волк.

В ряде своих исследований В. И. Абаев неопровержимо доказывает, что вместо древнеосетинского *уарг*, *уарх* – «волк» под влиянием табу появляется заимствованный эвфемизм *бирæгъ* [1, с. 93; 2, с. 262-263].

Как и следовало ожидать, и это название волка также не избежало табуирования, но табуирования частичного – в охотничьем языке осетин. Здесь употребительны такие формы, как *къуыбырхъус* «корноухий», *тугдзых* «кровожадный», *цъахкæрцджын* «серошубый», *дæргъдым* «длиннохвостый», *зыдыка* «жаддога», *бегъуырыхъо* «бирюк», *фыдбылыз* «беда», *хылхъусæг* «чуткослышущий», *æнамонд* «несчастный» [13, с. 151; 29, с. 131]. Многие из этих слов вошли и в общенародную лексику осетин.

Примеры употребления эвфемизмов встречаем и в народном творчестве:

– *Нал фæцæудзына, къуыбырхъус, ма сæгъта цы фесты, уймай дæ чи бафæрсдæн, уый – а лæппу, Къобли* [26, с. 67]. / *букв.* Не уйдешь больше, корноухий, кто тебя спросит о том, куда делись мои козы, это – я, Къобли (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Б.).

Бирæгъта цууылдæр – къуыбырхъустæ [23, с. 199]. / *букв.* Все волки – корноухие.

Тесно связан с образом волка-предка и образ *собаки*. Собака издавна являлась другом человека, она помогала ему на охоте, охраняла детей, скот. Неразлучны с собакой и самые знатные представители нартовского эпоса.

В языке охотников-осетин для табуированного слова «кудыз» («собака») существовали такие эвфемизмы, как *цуанон/цауæйнон* «охотничий», *райæг* «лающий», *суæг* «преследующий», *къæсæргæс* «охраняющий порог», *хъахъхъанæг* «страж». С течением времени эти эвфемизмы вошли в обиходную речь осетин.

И в фольклоре встречается эвфемизм собаки *цуанон* «охотничий», например в нартовском эпосе:

Цуанон сæм уыд, æмæ йæ уый нæ базыдта [Созырыхъо. – Бутаева], *фæлæ йæ хуылфæй къæбылатæ ныррайдтой* [18, с. 698]. / *букв.* Легава (охотничья) у них была, и она его (Созырыко. – М. Б.) не узнала, но из её чрева щенки подняли лай.

Или же: *Райсомы бацыдис [чидæр] æмæ дзуры:*

– *Уæрхæгты зæппадзæй сывæллоны кæуын дæр цæуы, байраджы мыр-мыр дæр æмæ цуаноны хъыллист дæр* [19, с. 41]... / *букв.* Утром подошел [кто-то] и говорит:

– Из склепа Уархага доносится и плач ребенка, и ржанье жеребенка, и визг собаки.

Объяснение тому, почему название собаки не избежало табуирования, даёт осетинский этнограф Л. А. Чибиров: «В верованиях осетин сохранились лишь неясные следы прежних сложных концепций, связанных с этим животным, хотя представления осетин о волке-собаке выступают довольно отчетливо. В нартовском эпосе осетин собака – одно из самых любимых, преданных и почитаемых животных. В эпосе и этнографии осетин собака наделяется сверхъестественным чутьем и магической силой. Она охраняет добро, жизнь и предупреждает зло. Собака изгоняет злые силы, в том числе и те, которые наносят урон урожаю. Там, где стоит собака, не пройдет колдун, не пролезет змея» [31, с. 164].

Священной у осетин считалась и *змея (калм)*, которая играет большую роль в мифологии и религиозных верованиях индоевропейских народов; наряду с волком, медведем, змея как опасный хищник – олицетворение силы [21, с. 279]. Культ змеи возник у осетин в глубокой древности. Он отражает двойственное отношение человека к змее: 1) благорасположение, порожденное желанием обладать силой, подобной силе змеи; змея и сердолик в верованиях осетин неотделимы друг от друга; 2) негативное, усиливавшееся под действием христианской религии.

В обыденной жизни отношение осетин к змеям явно неблагоприятное: они воспринимались как одни из самых нечистых и коварных существ. Даже на название змеи народ наложил табу: вместо обычного *калм* называет ее *хилаг* (ползающая) [31, с. 173].

В. М. Гусалов отмечает, что осетинское *калм* должно рассматриваться как явное и, по всей видимости, почетительной давности подставное наименование с нередким при табуировании пейоративным оттенком: вместо древнеосетинского эвфемизма *калм* – *хилаг*, или *бырæг* (ползающая) [9, с. 67-68]. Ср. в народном творчестве: *Сабур дзурд хелагаæ дæр лæдæруй* [22, с. 57]. / *букв.* Кроткую речь и змея понимает.

Все приведённые примеры указывают на веру осетин в магию слова.

Широко распространенный среди осетин в прошлом культ *медведя* также является остатком древних тотемистических воззрений. Предки осетин относились к медведю с большим уважением, т.к. считали, что он когда-то был человеком, доказательством этому служили очень схожие с человеком анатомические особенности строения медведя.

Примеры пережитков культа медведя можно найти в языке осетинских охотников; эвфемизмы слова «медведь»: *тъæпæнкъах/тъæпкъах* «плосконогий», *зылынкъах/зулункъах* «кривоногий», *хъуынджын/гъунгун* «волосатый», *нихаггин* «когтистый», *хъуынджынкъах* «волосатонюгий», *мыдхор/мудхуар* «едящий мед», *цымхор* «кизилядный», *кæрдохор* «едящий груши» [13, с. 15; 29, с. 131].

Эти эвфемизмы вошли и в язык художественной литературы: *Зæгъынц, цæры, дам, арс дыргъæй... Уæд уæтар чи уадзы пырхæй? Уæгъуыр дæ, сау кусæг, уæгъуыр, Мыдхор дын апырдта дæ фыр* [10, с. 246]. / *букв.* Говорят, живет медведь, питаюсь фруктами... Но кто тогда оставляет отару овец разгромленной? Несчастен ты, бедняк, несчастен, Едящий мед-то разорвал твоего барана.

«*Нырма мын кæдæм фæцæудзына, уæлæ хъуынджынкъах?*» – *ма дъууæхстон сæрцæттæ кодтон* [8, с. 26]. / *букв.* «Теперь-то от меня куда денешься, ты, волосатонюгий?» – приготовил я свою двустволку.

Широко представлен в миропонимании осетин как древнейшее тотемное животное и *олень (саг)*, отнесенный ими к небесному, космологическому миру.

По мнению М. И. Артамонова, роль оленя «в идеологии скифского периода необходимо выводить из представлений, возникающих на более древних ступенях социально-экономического развития, когда он мог быть не только главнейшей охотничьей добычей, но и наиболее распространенным тотемом далеких предков иранских племен» [6, с. 33].

Олень как древнейшее тотемно-промысловое животное широко представлен в мифологии иранских народов; он – излюбленный объект охоты нартов. Лучшим пожеланием осетину еще несколько десятков лет назад было, чтобы он убил оленя (*sag amaray*). Ветвистые олени рога считались символом, приносящим счастье, поэтому их часто использовали в оформлении жилища, в святилищах.

Слово *sag* было подвергнуто двойному табуированию, о чём свидетельствует охотничий язык, в котором «обычная осетинская номинация *sag* заменяется субститутом *sion*, что, между прочим, является полным синонимом табуированного слова, т.е. означает то же, что и арийск. **sakka* “рогатый”; иными словами, на скифо-осетинской почве название оленя дважды подверглось табуированию, и оба раза субституция шла по одному и тому же пути» [9, с. 79]. Сохранился субститут *сион* «олень» и в поэтической речи:

«О, зеронд *Æфсати, ракаес мæм, рафæлгæс,*
Кувæг цуаноны рахизмæ бафæдзæхс,
Райсом раджы мын дахи та фæрæдау кæн,
Хъæлзæнг сионтæй мын цу та фæлæвар кæн» [20, с. 21]. /
 букв. О, Старый Всати, взгляни на меня, окинь взором,
 Молящегося охотника благослови,
 С утра пораньше будь милостив,
 Из тонконогих оленей мне одного подари-ка.

У всех кавказских народов существовали приметы, связанные с зайцем. Например, встреча с *зайцем* (*тæрхъус*) предвещала неудачу.

Х. Ф. Цгоев пишет в своем словаре осетинской мифологии: «К зайцу осетины относятся с симпатией и доброй жалостью, даже в сказках нигде не показывают его злодеем, творящим недоброе. Зато он труслив, косоглаз, слаб, даже зайчат своих не в силах защитить. Любой зверь обидит его, потому и сбежал он из леса в поле. Но если ты куда-то направился, и он тебе встретился, лучше вернись назад. Так поступали охотники, если на опушке леса им встречался заяц. Есть такая фраза: “*Рувасæмбæлæг – хорзæмбæлæг*” (встретить лису – к доброму пути), “*тæрхъусæмбæлæг – фыдæмбæлæг*” (встретить зайца – к дурной дороге)» [30, с. 433-434].

В осетинском языке, по мнению В. Гусалова, название зайца (*тæрхъус*) также подверглось двойному табуированию: «Осет. *tærgus // tarqos* из *darg-qus* “длинный-ухо”, являющееся несомненным условным обозначением, интересно тем, что и здесь, кажется, мы имеем двойное табуирование» [9, с. 73].

Много подставных слов для зайца использовали осетины-охотники. Ср. в современном осетинском языке эвфемизмы *зайца*: *тæппуд/тæппод* «трусливый», *зыльницæст/зулундзæст* «косой», *сохъхъыр/сохъур* «косой», *хъилхъус/хъелгъос* «с поднятыми ушами», *ирдцæст* «ясноглазый», *дзагъыр дзæст/дзагъыр дзæстæ* «с вытаращенными глазами», *фыдæмбæлæг/фудæмбæлæг* «приносящий несчастье».

Заяц распространен почти на всей территории Осетии. Не являясь тотемным животным, заяц все же подвергся неоднократному табуированию. Причина этого кроется, скорее всего, в отнесении зайца к нечистой силе.

Табуированию в осетинском языке подверглось и название *свиньи/кабана*. Культ этого животного восходит к древнейшему периоду истории ираноязычных народов.

Название *кабана туска* в осетинском языке – индоевропейского происхождения; переводится на русский язык как «*клыкастый*» [4, с. 26]. В специальной работе, посвященной зубу Любви в нартовских сказаниях, проф. Б. А. Алборов доказывает тотемическую природу культа *кабана/свиньи* у осетин. Он пишет, что «осетинки не произносят имени свиньи, особенно кабана (*нæлхуы*). Вместо слова “*хуы*” (свинья) осетины говорят “*къахæг*” (роющая), “*дæргъ хъусыг*” (длинноухая). К таким словам-эвфемизмам относится и слово “*хъох*”. Последнее заменяет слово “*хуы*” (кабан, свинья).

Как слово *хъох* “хрюканье” замещало собой *хуы* – “свинью”, так и слово *хъыз* – “клык” замещало на языке осетинок также слово *хуы*» [5, с. 228-230].

Наиболее часто встречающиеся в языке охотников эвфемизмы: *цыбыркъах/цубуркъах* «коротконогий», *бырынкъджын/къенбургин* «с рылом», *тыфылхъус/тыæфилгъос* «лопоухий», *зæхкъахæг/зæнхæкъахæг* «кроющий землю», *зæнтæг/æзмæнтæг* «размешивающий», *къæндзыгджын/къæндзугин* «с крючком». В дигорском диалекте осетинского языка встречаются такие эвфемизмы, как *сæйгæ нæл* «холощенная свинья» и *хъисан* «поросянок» [28, с. 491, 665].

Ср.: *Кувæндонмæ ирон бæгæнныйæ карздæр нозт хæссæн нæй; айк, маргъ æмæ бырынкъджыны фыдæй ма фæхъæстæ уай, тамако ма бадъмай, дæ ныхас æмæ дæ хъуыдытæ хъуамæ уой сыгъдæг* [7, с. 1]. / В святилище нельзя приносить напитки крепче осетинского пива; нельзя пробовать яйца, птицу, свинину, нельзя курить, слова и мысли должны быть чистыми.

Уæлæ цады цы сæйгæ нæл ис, Уымæ куы сфардæг уаиккам [25, с. 428]! / букв. Пошли бы мы к тому кабану, который находится вон там, в болоте.

Культ животных у осетин, сложившийся еще в период формирования и развития родовой организации, отражён в их фольклоре и эпосе, и это даёт основание заключить, что осетины являются одним из тех народов, которые в пережиточном состоянии донесли из глубины веков многое из древнейших религиозных воззрений.

Тотемными у осетин стали также те животные, которые окружали их в процессе хозяйственной деятельности. К примеру, бык (*гал*).

В религии осетин *бык* (*гал*) занимал особое место. Его почитание В. А. Кузнецов предположительно увязывал с архаическими представлениями осетин о поддерживающем землю быке (*зæххуромæг гал*), который несет ее на своих рогах [15, с. 37, 38]. Следы почитания быка можно найти в фольклоре и обычаях осетин. Он являлся не только рабочей силой, но и самой предпочитаемой высшими силами жертвой, которую осетины могли преподнести. Особой заботой был окружен жертвенный бык (*нывонд гал*).

Подставным словом для слова «бык» в осетинском языке является эпитет *къобор* (крупный, крепкий, сильный). Примеры употребления встречаем в народном творчестве: *Скатай магуыр заронд лаг: «Рæгътыл фæцæуин, æмæ дард фæндаг у. Кæмттыл фæцæуин, æмæ мын мæ къоборты исдзысты гауыр-тæ»* [24, с. 580]. / *букв.* Забеспокоился бедный старик: «Пошел бы через хребты, и это дальняя дорога. Пошёл бы ущельями, и у меня моих быков отнимут эти проклятые».

Заметим, тот факт, что некоторые названия животных в осетинском языке подверглись двойному табуированию, характеризует особое, сокровенное отношение осетин к ним.

Широко представленные в современном осетинском языке эвфемизмы, взятые из охотничьего языка, свободно перешли в литературный осетинский язык.

Пережитки культа животных сохраняются у осетин и в настоящее время. Вместе с ними сохраняются и элементы табу. Во многих высокогорных поселениях представители старшего поколения строго придерживаются языковых табу, используют эвфемистические замены названий животных. Особое отношение к табу на названия животных наблюдается в языке осетинок. Представительницы женского пола до сих пор не произносят названия многих животных, но связаны эти запреты не столько с культом животных, сколько со стремлением к смягчению своей речи.

Приведенный выше лингвистический и этнологический материал, думается, позволяет заключить, что табуирование названий определенных животных играло достаточно важную роль в жизни осетин. Нельзя не согласиться с тем, что в лексико-семантической системе любого языка выявляется определенный пласт лексики, исследование которого убеждает в том, что слово, являясь с древнейших времен «результатом обработки сознанием... материала реальной жизни и реального мира» [3, с. 41], было в то же время чем-то таким, что требовало «особого пиетета»; что в этой лексике древнейшие представления о «магической силе» слова прочитываются достаточно прозрачно.

В выводах отметим, что развитый в прошлом культ животных нашёл отражение в верованиях и традициях осетин, и он же способствовал возникновению множества языковых и речевых табу. Мы определили, что тип эвфемистического выражения зависит от речевых и языковых ситуаций, которые формируют его в соответствии с нормами осетинского языка. Выявили, что названия некоторых животных подверглись двойному табуированию; что большинство табу мотивированы образами тотемных животных; что исключаются из употребления не понятия, необходимые обществу, а слова-названия. Особое внимание уделено нами в работе «охотничьему» языку, условиям употребления эвфемизма в разговорной речи охотников.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. М. – Л.: Акад. наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.
2. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1989. Т. IV. 325 с.
3. **Абаев В. И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания: сб. статей / отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1970. С. 7-44.
4. **Абаев В. И.** Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
5. **Алборов Б. А.** Зуб любви «Архъызы дæндаг». «Хъох дæндаг» осетинских нартских сказаний // Дарьял. 2004. № 2. С. 225-231.
6. **Артамонов М. И.** Скифо-сибирское искусство звериного стиля // Проблемы скифской археологии: МИА №177 / отв. ред. П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 24-35.
7. **Гогаева Н. С.** Кувæндонмæ куыд цæуын хъæуы? // Стыр Ныхас. 2015. № 13.
8. **Гурдзиев Б.** Голубиная гора. Орджоникидзе, 1979. 48 с.
9. **Гусалов В. М.** Вербальное табуирование в осетинском // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2. С. 64-82.
10. **Джикаев Ш. Ф.** Честь: стихи, сказания, переводы. Владикавказ: Ир, 2010. 415 с.
11. **Дзодзикова З. Б.** Понятийная картина мира в системе табуированных наименований современного осетинского языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 4. С. 463-466.
12. **Зеленин Д. К.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии: в 2-х ч. Л.: Акад. наук СССР, 1920. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах. 151 с.
13. **Кесаев В. А.** Язык и бычаи осетинских охотников: этнографический очерк. Владикавказ: Ир, 2010. 175 с.
14. **Кривелев И. А.** Происхождение религии. М.: Знание, 1968. 33 с.
15. **Кузнецов В. А.** Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.
17. **Мейе А.** Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. – Л.: Советская Энциклопедия, 1938. 510 с.
18. **Нартовские сказания:** эпос осетинского народа: в 6-ти т. / сост. Т. Хамицева. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 2004. Т. 2. 896 с.
19. **Нартовские сказания:** эпос осетинского народа: в 6-ти т. / сост. Т. Хамицева. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 2010. Т. 5. 767 с.
20. **Нигер.** Собрание сочинений: в 3-х т. Орджоникидзе: Ир, 1966. Т. 1. 682 с.
21. **Осетинская этнографическая энциклопедия** / ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. 686 с.
22. **Осетинские (дигорские) народные изречения** / на осетинском (дигорском) и русском языках; из собрания Г. А. Дзагурова. Изд-е 2-е, испр. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 2011. 376 с.

23. **Осетинские пословицы** / сост. К. Гутиев. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 с.
24. **Осетинское народное творчество**: в 2-х т. / сост. З. М. Салагаева. Владикавказ: Ир, 2007. Т. 1. 719 с.
25. **Осетинское народное творчество**: в 2-х т. / сост. З. М. Салагаева. Владикавказ: Ир, 2007. Т. 2. 655 с.
26. **Памятники народного творчества осетин: сказки о животных**. Владикавказ: Алания, 1998. 526 с.
27. **Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах**: в 7-ми т. / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвал, 1982. Т. 2. 371 с.
28. **Таказов Ф. М.** Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ: Респект, 2015. 872 с.
29. **Техов Ф. Д.** Охотничий язык у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвали, 1971. Вып. 18. С. 121-137.
30. **Цгоев Х. Ф.** Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: Ир, 2015. 599 с.
31. **Чибиров Л. А.** Традиционная духовная культура осетин / под ред. Ю. Ю. Карпова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 711 с.

**ON VERBAL TABOOS IN THE OSSETIAN LANGUAGE
(BY THE EXAMPLES OF THE ANIMAL WORLD NAMES)**

Butaeva Madina Batradzovna

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
takku08@mail.ru*

The current research is devoted to the phenomenon of verbal taboos in the Ossetian language, which has left a bright mark in the names of the animal world representatives. The purpose of the article is to show that the cult of animals developed in the past in all its manifestations in the everyday and economic life of Ossetia, was reflected in the beliefs and traditions and contributed to the emergence of the multitude of linguistic taboos. The significance of the chosen topic is conditioned by the fact that in the Ossetian language the situations that form a kind of euphemistic expression in accordance with its standards have not been fully identified yet. The work contains information from various sources, which confirms the specificity of the world perception by the Ossetians, as well as the expressions that are euphemistic in nature; conditions for their use are substantiated. Particular attention is paid to examples from the special secret language of Ossetian hunters.

Key words and phrases: Ossetian language; linguistic taboo; euphemism; custom; animal world; spiritual culture.

УДК 81.27

Дата поступления рукописи: 13.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.14>

В статье рассматривается социально-культурный аспект наречия, используемого в речи современных англичан. Автор указывает на особое место наречий в речи человека, служащих не только для передачи оценочной характеристики окружающей действительности, но и для выявления скрытой социально-культурной информации. В этой связи речь персонажей художественной литературы демонстрирует социальный статус, образование, возраст и половую принадлежность говорящего. На основании проведенного анализа устанавливается, что эмоционально-оценочные наречия в сочетании с прилагательными в большей степени используются в речи мужчин молодого и среднего возраста, принадлежащих к среднему классу.

Ключевые слова и фразы: наречие; социально-культурный аспект; речь средних и высших классов; молодой и средний возраст; женский и мужской пол; недооценка; переоценка.

Власова Екатерина Викторовна, к. филол. н., доцент

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
vlaska@bk.ru*

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НАРЕЧИЯ
В РОМАНЕ ДИКА ФРЕНСИСА «ОСКОЛКИ»**

В настоящее время социально-культурный аспект языка является предметом пристального внимания филологов, которые рассматривают его с позиции национально-культурных особенностей страны и культуры речевого поведения говорящего. В языке отображается не только окружающий мир человека, но и его национальный характер, образ жизни, ценности, традиции и поведение. Социально-культурная информация является ярким социолингвистическим знаком представителей разных классов. В настоящем исследовании мы обратимся к использованию наречия в речи современных англичан.

Актуальность исследования обусловлена важностью освещения социально-культурного подхода к изучению наречия в речи говорящего и его недостаточной изученности в этом аспекте.

Цель исследования – установить социально-культурные характеристики наречия в речи персонажей современного художественного произведения начала XXI века.

Для выполнения поставленной цели решались следующие задачи:

- 1) изучить эмоционально-оценочные наречия как один из способов выражения переоценки / недооценки;
- 2) выявить социально-культурный аспект наречия в речи персонажей художественного произведения.

Научная новизна работы состоит в рассмотрении эмоционально-оценочных наречий в социально-культурном аспекте.